

*Пьеру Лафиту*¹

Дорогой друг,
ты побудил меня ступить на путь, следовать по которому, как я полагал, мне вовсе не стоило, но я познал на нем столько радости и приятных сторон литературной жизни, что мне кажется справедливым поставить твое имя, предварив им этот первый том, и выразить тебе самую сердечную и неизменную благодарность.

М. Л.

¹ *Лафит Пьер* (1872–1938) — первый издатель «Приключений Арсена Люпена». — *Здесь и далее, кроме отмеченных особо, примеч. перев.*

АРЕСТ АРСЕНА ЛЮПЕНА

Странное путешествие! А ведь так хорошо все начиналось! На моей памяти ни в одном плавании обстоятельства не складывались столь удачно. «Прованс» — быстроходное, комфортабельное трансатлантическое судно, ну а капитана обходительнее просто не сыскать. На борту собралось изысканнейшее общество. Завязывались знакомства, одно развлечение сменялось другим. Возникло восхижительное чувство, будто мы, словно на необитаемом острове, оторваны от всего мира и предоставлены самим себе, однако именно поэтому вынуждены ближе сойтись друг с другом.

И мы сошлись.

Случалось ли вам размышлять о том, сколь непредсказуемо и необычно может быть собрание людей, еще накануне не знавших друг друга, но которым в течение нескольких дней предстоит прожить в тесной близости — меж бескрайним небом и необъятной морской стихией — и вместе отражать нападки разъяренного океана, пугающий натиск волн, ярость шторма и устрашающее спокойствие дремлющих вод?

По сути, это не что иное, как сама жизнь, сведенная к этому трагически короткому отрезку времени, жизнь с ее взлетами и падениями, с ее монотонностью и разнообразием, и, наверное, именно поэтому пассажиры с такой лихорадочной поспешностью и все возрастающим наслаждением смакуют это короткое путешествие, окончание которого ощутимо в самом его начале.

Но вот уже много лет происходит нечто, странным образом воздействующее на эмоции, переживаемые во время пути. Этот плавающий островок по-прежнему связан с тем миром, который, казалось бы, остался где-то позади. Существует какая-то связь, мало-помалу она рвется, едва удаляешься от берега, и затем так же мало-помалу возрождается. Беспроволочный телеграф! Зов иной вселенной, откуда таинственным образом долетают новости.

Воображение уже не способно представить металлические провода, внутри которых скользят невидимые глазу послания. Тайна эта настолько непостижима и поэтична, что объяснить это небывалое чудо можно, лишь уверившись, что новости долетают сюда на крыльях ветра.

Итак, в течение первых часов плавания нам казалось, что нас преследует, сопровождает и даже опережает далекий голос, время от времени шепча одному из нас слова, произнесенные на суше. Двое друзей поговорили со мной. Один или два десятка других послали нам всем, преодолев расстояние, грустные или радостные прощальные послания.

Впрочем, на вторые сутки в пятистах милях от берегов Франции в ненастный полдень беспроводочный телеграф передал депешу следующего содержания:

НА БОРТУ В ПЕРВОМ КЛАССЕ АРСЕН ЛЮПЕН, БЛОНДИН, РАНЕН В ПРАВОЕ ПРЕДПЛЕЧЬЕ, ПЛЫВЕТ ОДИН ПОД ИМЕНЕМ Р..

Именно в это мгновенье темное небо сотрясли сильнейшие раскаты грома, прервавшие течение электроволн. Окончание сообщения получено не было. Мы узнали лишь инициал имени, под которым скрывался Арсен Люпен.

Будь то любая другая новость, нет сомнения, что радисты, офицер-интендант и капитан корабля тщательно сохранили бы ее в секрете. Но подобные сообщения способны развязать языки даже самым молчаливым. В тот же день, непонятно каким образом, всем стало известно, что среди нас скрывается знаменитый Арсен Люпен.

Арсен Люпен среди нас! Неуловимый грабитель, о подвигах которого уже много месяцев трубят все газеты! Таинственный персонаж, с которым старина Ганимар, лучший из полицейских, вступил в смертельный, захватывающий дух поединок! Арсен Люпен, джентльмен с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных, который однажды ночью проник к барону Шорману, но ушел оттуда с пустыми руками, оставив лишь визитную карточку с такой замысловатой припиской: «Арсен Люпен, джентльмен-грабитель, вернется в ваш дом, лишь когда в нем появится подлинная мебель». Арсен Люпен, человек с тысячью обличей: он предстает то шофером, то тенором, то букмекером, то сыном respectable родителей, то подростком, то старцем, то комми-

вояжером из Марселя, то русским врачом, то испанским тореадором!

Вы должны уяснить себе следующее: Арсен Люпен действует в достаточно ограниченном пространстве трансатлантического лайнера! В этом сравнительно небольшом пространстве, где пассажиры первого класса постоянно сталкиваются друг с другом в ресторане, кают-компании или в курительной комнате! Возможно, вот этот господин и есть Арсен Люпен... или, может быть, вот тот... мой сосед по столу или по каюте...

— И это будет продолжаться еще пять раз по двадцать четыре часа! — воскликнула на второй день плавания мисс Нелли Андердаун. — Это просто невыносимо! Надеюсь, его арестуют.

И, обращаясь ко мне:

— Послушайте, месье Андрези, вы ведь на дружеской ноге с капитаном, неужели вы ничего не знаете?

Как бы мне хотелось хоть что-то знать, чтобы понравиться мисс Нелли! Она была одним из тех прелестных созданий, которые, где бы ни находились, сразу притягивают к себе все взоры... Их красота в придачу к богатству сражает наповал. Они окружены свитой, почитателями, поклонниками.

Ее воспитала в Париже мать-француженка, а теперь в сопровождении подруги, леди Джерланд, она направлялась в Чикаго к отцу, неслыханному богачу Андердауну.

Едва увидев мисс Нелли, я решил попытаться слегка приударить за ней. Но во время путешествия отношения развиваются быстро, и, познакомившись с ней ближе, я был покорен ее шармом. Я так волновался каждый раз, когда ловил на себе взгляд ее огромных черных глаз, что не мог банально флиртовать с ней. Впрочем, она принимала знаки моего внимания с некоторым воодушевлением. Даже удостаивала смехом мои удачные шутки и выслушивала анекдоты. Казалось, она отвечала легкой симпатией на проявляемую мною горячность.

Опасения у меня вызывал лишь один соперник — довольно красивый, невозмутимый и элегантный молодой человек, иногда она явно предпочитала его сдержанный юмор моей парижской экспансивности.

Он как раз находился в числе воздыхателей, окружавших мисс Нелли, когда она обратилась ко мне с расспросами. Мы все удобно расположились на палубе в креслах-качалках. После вчерашней грозы небо очистилось. Стояла изумительная погода.

— Я ничего толком не знаю, мадемуазель, — ответил ей я, — но разве мы не сумеем провести собственное расследование столь же профессионально, как старина Ганимар, личный враг Арсена Люпена?

— Ну что вы! Вы замахнулись слишком высоко!

— Почему же? Неужели это такая уж непосильная задача?

— Думаю, да.

— Вы просто не берете в расчет, что мы уже располагаем некоторыми частями головоломки.

— Какими же?

— Номер один. Люпен именует себя месье Р.

— Это весьма расплывчато.

— Номер два. Он путешествует один.

— Ну и эта подробность никак не проясняет дела.

— Номер три. Он блондин.

— И что дальше?

— А то, что нам остается просмотреть список пассажиров и действовать методом исключения.

Этот список лежал у меня в кармане. Я вынул его и пробежал глазами.

— Прежде всего должен заметить, что с инициалом, заслуживающим нашего внимания, на корабле всего тринадцать человек.

— Всего тринадцать?

— Да, в первом классе. Как легко убедиться, девятерых из этих тринадцати месье Р. сопровождают жены, дети и слуги. Остаются четверо путешествующих в одиночку: маркиз де Равердан...

— Это секретарь посольства, — перебила меня мисс Нелли, — я с ним знакома.

— Майор Расен...

— Это мой дядя, — заметил кто-то.

— Месье Риволта...

— Я здесь, — воскликнул итальянец из нашей компании, его лицо почти наполовину скрывала черная как смоль борода.

Мисс Нелли расхохоталась:

— Этого господина трудно назвать блондином.

— В таком случае, — продолжил я, — нам следует заключить, что преступник — последний в списке.

— То есть?

— То есть месье Розен. Кто-нибудь из вас знаком с месье Розеном?

Все молчали. Тогда мисс Нелли обратилась к молчаливому юноше, чье постоянное присутствие рядом с ней было для меня столь мучительно, и спросила:

— Месье Розен, почему вы не отвечаете?

Все взоры обратились к нему. Он был блондином.

Должен признаться, во мне что-то дрогнуло. А внезапная неловкая тишина наводила на мысль, что и остальные испытывали нечто подобное. Впрочем, это было нелепо — поведение этого господина не навлекало на него ни малейших подозрений.

— Почему я не отвечаю? — спросил он. — Да лишь потому, что я уже сам все проанализировал и, принимая во внимание мое имя, статус путешествующего в одиночку и цвет моих волос, сам пришел к аналогичному заключению, поэтому согласен — меня следует арестовать.

Выглядел он весьма странно. Его тонкие губы — две прямые черточки — еще больше сузились и побледнели. Белки глаз были испещрены красными прожилками.

Разумеется, он шутил. Однако его лицо и манера держаться производили сильное впечатление. Мисс Нелли простодушно спросила:

— Но раны-то у вас нет?

— Вы правы, — ответил он, — раны не хватает.

Порывистым жестом он приподнял рукав и обнажил руку. Но меня тут же осенила одна мысль. Я встретился глазами с мисс Нелли: он показал нам левую руку.

Честное слово, едва я собрался заявить об этом, как наше внимание отвлекла леди Джерланд, подруга мисс Нелли. Она бежала по палубе.

Выглядела она потрясенной. Мы сгрудились вокруг нее, ценой невероятных усилий ей удалось прошептать:

— Мои драгоценности, мой жемчуг!.. Всё украли!..

Нет, как мы узнали позже, украли далеко не всё; и, что еще более любопытно: был произведен тщательный отбор!

Из бриллиантовой звезды, из подвески с рубиновым кабошоном, из кольца и браслетов вытащили отдельные камни, причем даже не самые крупные, а самой искусной огранки, самой большой ценности, те, которые стоили намного дороже, хотя были намного мельче. Оправы валялись тут же, на столе. Я увидел сразу, да и все это увидел — лишённые своих лучших камней, они напоминали цветы, утратившие самые красивые, яркие и разноцветные лепестки.

И чтобы проделать все это за тот час, пока леди Джерланд пила чай, вор должен был среди бела дня в людном коридоре взломать дверь ее каюты, отыскать мешочек, старательно спрятанный в шляпной картонке, развязать его и приступить к неторопливому отбору!

Мы ахнули в один голос. А когда о краже стало известно остальным пассажирам, никто даже не усомнился — это дело рук Арсена Люпена. Тут явно чувствовался его почерк — все было запутано, таинственно и необъяснимо, хотя при этом весьма логично: трудно утаить груды драгоценностей, гораздо проще спрятать отдельные небольшие камни — жемчужины, изумруды и сапфиры.

За ужином стулья справа и слева от Розена пустовали. А позже мы узнали, что его вызывал к себе капитан.

Его арест, который все сочли справедливым, был встречен с облегчением. Теперь можно было спокойно дышать. В тот вечер мы решили слегка развлечься. Танцевали. Особенно бурно веселилась мисс Нелли, из чего я заключил, что если поначалу ухаживания Розена были ей приятны, то теперь она начисто о них забыла. Ее изящество окончательно покорило меня. Около полуночи при ясном свете луны я горячо признался ей в своих чувствах, что, кажется, не вызвало у нее недовольства.

Но назавтра, к общему нашему потрясению, нам объявили, что обвинения, предъявленные Розену, оказались ничем не подкрепленными и он освобожден.

Розен оказался сыном крупного негоцианта из Бордо и предъявил соответствующие документы. К тому же на его руках не нашли даже следов ран.

— Документы! Свидетельство о рождении! — восклицали недруги Розена. — Так Арсен Люпен предъявит их в любом количестве! А что касается раны, значит, ее вообще не было... или он сумел уничтожить даже шрамы!

Им возражали, что в момент кражи Розен — тому нашлись свидетели — прогуливался по палубе. В ответ они протестовали:

— А разве человек масштаба Арсена Люпена, совершая ограбление, должен при нем присутствовать?

Но если не принимать во внимание эти неубедительные доводы, все же существовало одно обстоятельство, против которого не могли возражать даже самые заядлые скептики: только Розен путешествовал в одиночестве, был блондином, а фамилия его начиналась на Р. О ком, кроме него, могла идти речь в телеграмме?

И когда за несколько минут до обеда Розен отважно направился в сторону нашей компании, мисс Нелли и леди Джерланд поднялись и гордо удалились.

Они попросту испугались.

Час спустя среди членов команды и пассажиров всех классов по рукам стал ходить рукописный документ: месье Луи Розен готов выплатить десять тысяч франков тому, кто разоблачит Арсена Люпена или обнаружит вора, укравшего драгоценности.

— И если никто не поможет мне бороться с этим бандитом, — заявил Розен капитану, — я расправлюсь с ним сам.

Розен против Арсена Люпена или, вернее, как кто-то сострил, Арсен Люпен против Арсена Люпена... Да, поединок обещал быть интересным!

Он продолжался в течение двух дней. Мы наблюдали, как Розен бродит то там, то тут, вертится среди членов команды, задает вопросы, вынюхивает. Даже ночью он, как тень, слонялся по кораблю.

Капитан, со своей стороны, тоже развил бурную деятельность. «Прованс» обыскали сверху донизу, осмотрели каждый уголок. Под предлогом того, что драгоценности могут быть спрятаны где угодно, только не в каюте подозреваемого, обшарили все каюты, без исключения.

— А в результате что-то непременно найдут, ведь правда? — спросила меня мисс Нелли. — Каким бы магом он ни был, он все равно не сможет сделать жемчуг и бриллианты невидимыми.

— Конечно сможет! — возразил я. — Просто тогда придется отпороть подкладки наших шляп и сюртуков и ощупать всю одежду.

Я показал ей свой фотографический аппарат «Кодак 9 × 12», которым непрерывно снимал ее в самых разнообразных позах:

— Взять хотя бы аппарат такого же размера. Вы полагаете, что в нем не хватит места спрятать все драгоценные камни леди Джерланд? Достаточно делать вид, что фотографируешь, и все пройдет как по маслу.

— А все же я слышала, что нет такого вора, который не оставит после себя хоть малейшую улику.

— Почему же, есть. Это Арсен Люпен.

— Но как ему это удастся?

— Как удастся? Он продумывает не только план предстоящего ограбления, но и предвидит все обстоятельства, которые могли бы выдать его.

— Вначале вы были более оптимистичны.

- Но с тех пор я увидел его в действии.
- И что же вы думаете?
- Я думаю, мы понапрасну теряем время.

Я оказался прав, расследование не принесло никаких результатов, или, во всяком случае, эти результаты никак не способствовали раскрытию преступления — у капитана украли часы.

Он пришел в ярость и удвоил свой пыл — стал еще неотступнее следить за Розеном и несколько раз вызывал его к себе на разговор. Назавтра, как это ни забавно, часы нашлись под стопкой накладных воротничков старшего помощника капитана.

Все это выглядело как чудо и явственно свидетельствовало о чувстве юмора Арсена Люпена, причем не просто грабителя, но и страстного приверженца своего ремесла. Он действовал не только по призванию и влечению, но и забавы ради. Он производил впечатление человека, который развлекается, присутствуя на представлении собственной пьесы: стоя за кулисами, хохочет во все горло над собственными остроумными шутками и им же придуманными поворотами сюжета.

Несомненно, это был своего рода лицедей. Я наблюдал за мрачным и непреклонным Розеном и размышлял о двойной роли, которую, бесспорно, играл этот любопытный персонаж, а когда говорил о нем, то не мог сдержать своего восхищения.

Но в предпоследнюю ночь вахтенный офицер услышал какие-то стоны, доносившиеся из самого темного уголка палубы. Он подошел. Там лежал человек, голова и лицо у него были замотаны толстым серым шарфом, запястья связаны тонкой веревкой.

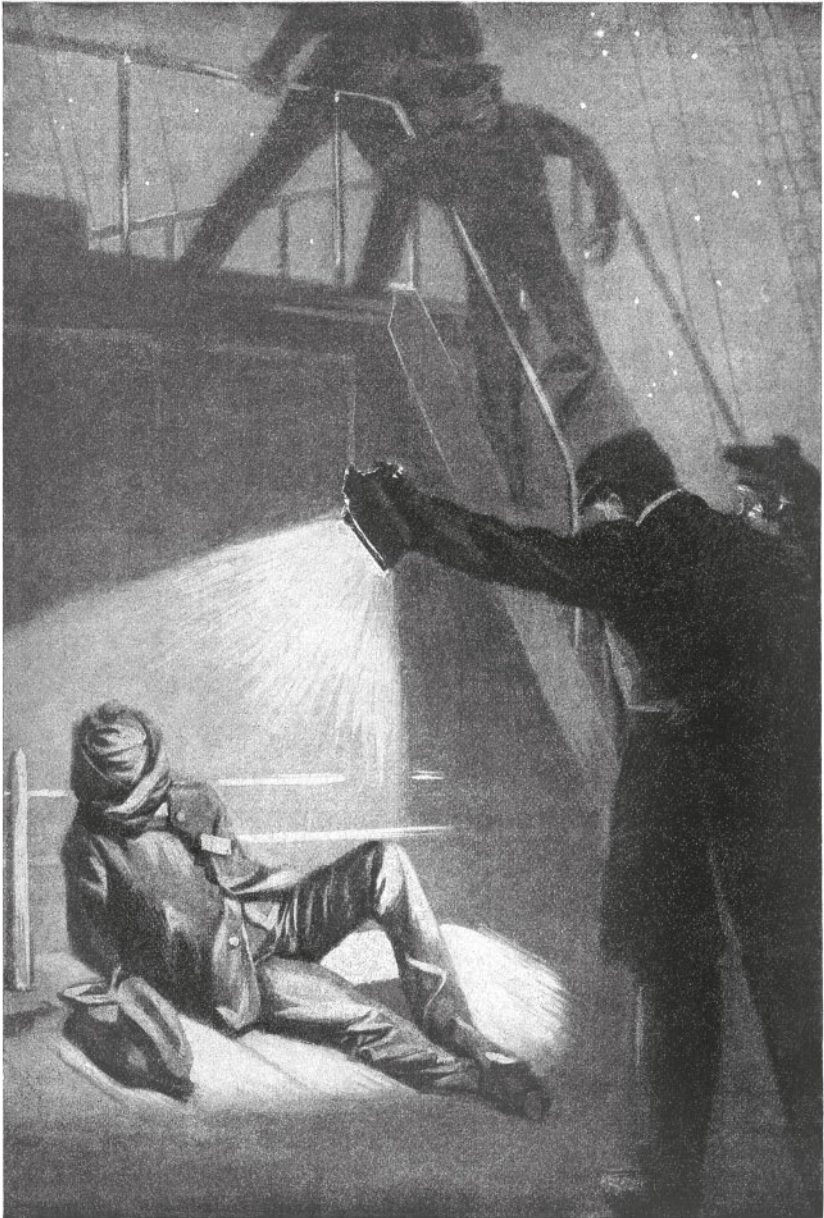
Его освободили, помогли подняться, оказали помощь.

Это был месье Розен.

Да, это был Розен, на него напали во время одной из его вылазок, сбили с ног и обокрали. На визитной карточке, прикрепленной булавкой к его одежде, было написано: «Арсен Люпен с благодарностью принимает десять тысяч франков от месье Розена».

На самом деле, в похищенном бумажнике лежало двадцать тысяч франковых купюр.

Разумеется, несчастного обвинили в том, что он сам инсценировал это нападение. Но помимо того обстоятельства, что невозможно связать себя самого подобным образом, было установлено, что почерк на карточке полностью отличается от почерка Розена, но в точности совпадает с почерком Арсена Люпена на фотографии, напечатанной в старой газете, найденной на борту.

Таким образом, Розен перестал быть Арсеном Люпенем. Розен был Розеном, сыном торговца из Бордо! Но присутствие Арсена Люпена на корабле подтвердилось в очередной раз, причем таким вот страшным образом!

Всех охватил ужас. Пассажиры боялись оставаться одни в своих каютах, а уж тем более не осмеливались гулять в одиночестве в отдаленных частях корабля. Из предосторожности люди, доверявшие друг другу, объединялись в группы. Но даже самые близкие скорее подсознательно вели себя как-то настороженно. Ведь человек, от которого исходила угроза, не был изолирован от остальных, не был заключен под стражу и поэтому не переставал быть опасным. Отныне... Арсеном Люпенем мог оказаться любой. Наше воспаленное воображение приписывало ему сверхъестественную, безграничную силу. Мы считали, что он способен принять любое, самое неожиданное обличье, представлять то респектабельным майором Расеном, то благородным маркизом де Раверданом, или же, если не принимать во внимание обличительный инициал «Р», он мог быть то тем, то другим хорошо знакомым всем нам господином, даже имеющим супругу, детей и слуг.

Первые депеши, доставленные по беспроволочному телеграфу, не принесли никаких новостей. Во всяком случае, капитан не считал нужным поделиться с нами их содержанием, и подобное молчание отнюдь не добавляло нам спокойствия.

Последние сутки тянулись бесконечно. Все жили в тревожном ожидании какого-то несчастья. И на сей раз произойдет не просто ограбление или банальное нападение, это будет настоящее преступление, убийство. Мы не могли поверить, что Арсен Люпен ограничится двумя пустячными кражами. Он превратился в подлинного хозяина корабля, где ему было позволено все, а команда потеряла всякую власть: теперь ему оставалось лишь захотеть, ибо он распоряжался и нашим имуществом, и нашими жизнями.

Должен признаться, что я провел сладостные часы, поскольку они помогли мне завоевать доверие мисс Нелли. Любопытная по натуре, она была под таким впечатлением от случившегося, что инстинктивно искала защиту и безопасность в моем обществе, которое я с радостью ей предоставил.

В глубине души я благословлял Арсена Люпена. Ведь именно он сблизил нас. Разве не ему я был обязан тем, что мог предаться самым дивным грезам? Грезам романтическим и грезам не столь возвышенным, к чему скрывать? Поколения Андреси ведут свой род

из Пуату¹, но их семейный герб слегка поблек, и я не усматриваю ничего зазорного в помыслах джентльмена вернуть ему былое великолепие.

К тому же я чувствовал, что мои грезы отнюдь не смущают мисс Нелли. Ее веселые глаза словно поощряли меня, а нежный голосок давал надежду.

И вот, вплоть до последней минуты, мы льнули друг к другу, облокотившись на фальшборт, а расплывчатая линия американского берега становилась все ближе.

Обыски были прекращены. Все ждали. Пассажиры и первого класса, и нижней палубы, где теснились эмигранты, ждали той торжественной минуты, когда будет решена неразрешимая загадка. Кто из нас знаменитый Арсен Люпен? Под чьим именем, под каким обличьем он скрывается?

И вот настала эта великая минута. До конца своей жизни я буду помнить ее во всех мельчайших подробностях.

— Как вы бледны, мисс Нелли, — обратился я к спутнице, опиравшейся на мою руку и, казалось, готовой вот-вот упасть в обморок.

— Но и вы переменялись в лице! — ответила мне она.

— Подумать только! Нас ждут такие захватывающие мгновения, и я счастлив, что испытаю эти эмоции подле вас, мисс Нелли. Мне кажется, что эти воспоминания тоже не изгладятся у вас из памяти...

Она слушала меня, взволнованная, с трудом переводя дыхание. Спустили трап. Но прежде чем нам было позволено ступить на него, на борт поднялись таможенники, люди в форме, носильщики.

Мисс Нелли прошептала:

— Я не удивлюсь, если Арсен Люпен сбежал с корабля во время плавания.

— Возможно, он предпочел смерть бесчестью и бросился в Атлантический океан, чтобы избежать ареста.

— Перестаньте шутить, — ответила она с раздражением.

Внезапно я вздрогнул, она спросила, в чем дело, и я ответил:

— Видите того пожилого невысокого господина, который стоит у нижней ступеньки трапа?

— С зонтиком и в сюртуке оливкового цвета?

— Это Ганимар.

¹ Пуату — историческая область на западе Франции.

— Ганимар?

— Да, тот самый знаменитый полицейский, который поклялся, что самолично арестует Арсена Люпена. Теперь ясно, почему на корабль не поступало никаких сведений с земли. В расследование вмешался Ганимар, а он не любит, когда суют нос в его дела.

— Значит, Арсена Люпена наверняка схватят?

— Как знать? Похоже, Ганимар видел его только в гриме и переодетым. Разве что ему известен его псевдоним...

— Да, — сказала она с безжалостным любопытством, присущим женщинам, — как бы я хотела присутствовать при его аресте!

— Подождем. Арсен Люпен уже наверняка заметил своего противника. Он постарается выйти в числе последних, когда старик устанет и его взгляд потеряет пронизательность.

Пассажиры начали сходить на берег. Ганимар стоял с равнодушным видом, опершись на зонт, и, казалось, не обращал никакого внимания на толпу, хлынувшую по трапу, огражденному перилами. Я заметил, что один из членов команды стоит у него за спиной и время от времени что-то ему сообщает.

Мимо него прошли маркиз де Равердан, майор Расен, итальянец Риволта и многие-многие другие... Я увидел, как к нему приближается Розен.

Бедняга Розен! Казалось, он так и не оправился от своих злоключений!

— Все-таки это, наверное, он, — сказала мне мисс Нелли. — Как вы думаете?

— Я думаю, было бы забавно сфотографировать Ганимара и Розена вместе. Возьмите мой фотоаппарат, у меня заняты руки.

Я передал ей фотоаппарат, но было поздно. Офицер нагнулся, шепча что-то на ухо Ганимару, тот слегка пожал плечами, и Розен прошел мимо него.

Господи, но кто же тогда Арсен Люпен?

— Да, — произнесла она вслух, — кто же он?

На борту оставалось лишь два десятка пассажиров. Она по очереди оглядела их, смутно опасаясь, что *он* не входит в число этих двадцати.

Я сказал:

— Мы не можем ждать дольше.

Она двинулась вперед. Я следом. Но не прошли мы и нескольких шагов, как Ганимар преградил нам путь.

— В чем дело? — воскликнул я.

— Минутку, месье. Вы очень спешите?

— Я сопровождаю даму.

— Минутку, — повторил он более настойчиво.

Он пристально глядывался в меня, потом сказал, глядя мне прямо в глаза:

— Арсен Люпен, не так ли?

Я рассмеялся:

— Нет, всего-навсего Бернар Андрези.

— Бернар Андрези умер три года назад в Македонии.

— Если бы Бернар Андрези умер, я отошел бы вместе с ним в мир иной. А я, как видите, жив. Вот мои документы.

— Они принадлежат ему. А вот как они попали к вам, я с удовольствием от вас узнаю.

— Вы просто с ума сошли! Арсен Люпен плыл на пароходе под именем Р.

— Очередной трюк с вашей стороны, ложный след, по которому вы всех пустили. Да, милейший, вы крепкий орешек, но на сей раз удача вам изменила. Послушайте, Люпен, покажите, что умеете достойно проигрывать.

Я мгновенно колебался. Он сильно ударил меня по правой руке. Я закричал от боли. Он задел еще не зажившую рану, о которой говорилось в телеграмме.